

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от 5 ЯНВ 41 З

Л. СЛАВИН

# Пьесы Юлиуса Гая

Пьеса «Иметь» стоит несколько особняком в творчестве венгерского писателя Юлиуса Гая, живущего и работающего сейчас в Советском Союзе.

«Бог, император и крестьянин» — первая из известных нам пьес Гая.

В пьесе действуют лица исторические. Они даны в образах живописных и оригинальных: благородный, умный и несчастливый Ян Гус, циничный политик, силач, остроумец, сквернослов, жестокий лидер — король Сигизмунд, преступник на папском престоле, бывший пират палач Иоанн XXIII и другие. Диалог острый, действие живописно, пьеса изобилует интересными ролями, эффектным сценическими положениями и проникнута страстной революционной романтикой.

В ином роде социальная трагедия «Иметь». Мы и здесь узнаем перо автора «Бога, императора и крестьянина», его сильный и поэтический диалог, его страсти к резким поворотам сюжета. Но другой материал определил другой выбор красок. В «Бог, император и крестьянин» все пестро, ослепительно ярко, пошелокопировски шумно. Здесь — внешние эффекты как бы ушли в глубину, действие сосредоточилось во внутренних переживаниях, краски притушены.

Все же и эту пьесу трудно назвать камерной. Повидимому, не в характере дарования автора замыкать действие в стенах интерьера. По сюжету пьеса «Иметь» — семейная история, разыгрывающаяся в венгерской деревушке. Но по мере развития действия все ее обитатели вовлекаются в круговорот событий, все почти персонажи оказываются вовлеченными в преступления, и мотив преступлений один: собственность. Люди эти не знают других способов изменить страшные уродливые условия своего существования, но и не могут продолжать жить так, как живут, и они идут на преступления. И только отрывочные воспоминания о революционном 1919 году и мечты о лучших днях напоминают о том, что есть другие пути к достижению счастливой свободной жизни.

При всей исключительности совершенных ими преступлений, обитатели этой «деревни отравителей» до крайности обыкновенные, жизненно правдивые люди. Этим пьеса достигает того, что главным виновником злодеяний остается капиталистический строй, преступно уродующий жизнь. Однако эта тенденция присутствует в пьесе не абстрактно. Автор все время стремится к сочетанию быденного и необычайного, бытового и романтического. Мы еще не видели пьесы, в которой столько места было бы отдано описаниям обстановки и быта, кстати сказать, очень точным и наглядным.

Тщательность описаний распространяется и на внешность действующих лиц. Описания эти обычно сделаны с большой портретной выразительностью:

«...Дядюшка Давид — самый богатый человек в деревне, вдовец пятидесяти семи лет. Он очень высок, очень толст. У него бледный, желтоватый цвет лица, глубоко сидящие маленькие глаза, всегда сплюснутые от пота волосы. Идет медленно, задыхаясь, то и дело останавливаясь. Он не ищет сухих мест; что за беда, если его сапоги испачкаются...»

Детализация рисунка заходит так далеко, что автор считает нужным упомянуть, что «земля здесь черная, как смола, только на берегу ручья встречается немного желтой глины».

Даже когда речь идет о третьестепенном безымянном и почти безвольном персонаже, Гай не оставляет распространенной и кропотливой манеры описания.

Читая эти точные и живописные характеристики, отдаешь должное изобразительному дару автора, но вместе с тем начинаешь испытывать опасение: не отходит ли это произведение слишком далеко от театра? Ведь это все-таки пьеса, а не роман. И все эти описания, такие подробные, почти этнографические, не свяжут ли они фантазии художника, режиссера, актеров, даже гримера? В театрах наших не любят опеки автора. Но, с другой стороны, и авторы, надо признаться, не любят чрезмерной вольности в обращении с их образами и текстами. Не в этом ли отчасти причина таких детальных, почти режиссерских, самокомментариев Гая?

А между тем описания все продолжают, разветвляются, и в конце концов они достигают своего и начинают действовать силой своей поэтичности.

Они проникают в самое действие пьесы, сливаются с ним, они преобразуются в поступки действующих лиц, в их душевные переживания, в самый сюжет пьесы, в ее коллизии. И, кончая читать пьесу, приходишь к убеждению, что здесь имеется дело с произведением, местами, быть может, спорным, но необыкновенно цельным и с большой силой утверждающим свои идеи и свой стиль. И не можем ли мы согласиться со статьей народного артиста Н. Хмелева, который писал, что пьеса «Иметь» «построена чрезвычайно оригинально, и самый стиль ее подсказывает новую форму будущего спектакля. Для режиссера и художника Юлиус Гай открывает широкие творческие просторы».

Спокойный, почти эпический тон характерен для всей этой пьесы. Это хладнокровие стиля составляет разительный контраст бурному и острому драматизму событий пьесы и вместе с точностью характеристик создает впечатление неотразимой жизненности.

Неспешная, уверенная, ненавязчивая манера Ю. Гая ввела в заблуждение автора рецензии о пьесе «Иметь» («Литературное обозрение», № 16) Н. Козюра, который считает, что «события в пьесе разворачиваются спокойно, монотонно, серо». Между тем для пьесы этой характерна явственно распознаваемая ненависть автора к главной причине, уродующей и извращающей жизнь его героев, к собственности, к жадности «Иметь», — гневная сосредоточенная ненависть, еще более подчеркиваемая внешне спокойным тоном повествования.

Раз уж мы упомянули об этой рецензии, следует сказать, что автор ее, Н. Козюра, проявил в своем роде незаурядное искусство, сумев уместить на двух маленьких страничках невероятное количество невежества, высокомерия и грубых окриков.

Автор этого маленького шедевра не обременяет себя трудом доказывать то или другое из своих странных утверждений. Он высказывается безапелляционно, в стиле скрижалей завета:

«Люди даны в виде схем. Они настолько лишены всякой индивидуальности, что запомнить их можно только по опознавательным признакам. Автор и наделяет их такими приметами: любимые, часто повторяющиеся слова или фразы, привычки... Собственно, все литературные приемы автора имеют почтенную историю;

заимствованы они из арсенала декадентской драматургии и в пояснениях не нуждаются».

Почему не нуждаются? Только потому, что это говорит Н. Козюра?

Мы, например, считаем, что часто повторяющиеся слова могут достаточно характеризовать человека. Так, например, часто повторяющиеся в рецензии Н. Козюры слова о зависти Гая от декадентов мы считаем некоторой чертой его критической индивидуальности. Уподоблять реалистическое, полнокровное, исполненное революционными идеями, искусство Гая мистическому и эстетствующему буржуазному течению можно, только обладая прочным невежеством.

И потом — что это такое: часто повторяющиеся «привычки»? Если это привычка определенным образом выражаться, то это своя, индивидуальная речь. Если это привычка определенным образом мыслить, то это образ мыслей. Если это привычка определенным образом действовать, то это поступки, образ действий — решительный или вялый, или прямой, или ошибочный.

Такого рода «привычки» — это не что иное, как характер. И одна из наиболее сильных сторон пьесы «Иметь» — это как раз жизненные, правдивые, реалистически разработанные характеры, из резкого различия которых и складывается драматический конфликт пьесы.

Третья из известных нам пьес Гая «Индюшачий король» разрабатывает тему, схожую с той, которая заключена в пьесе «Иметь», но в иной обстановке и в формах, не менее поэтичных и сильных.

Пьесы Гая еще не дошли до советской сцены. Учредив странную моду на шаблонные и неглубокие пьесы Пристли, театры наши — одни недооценили, а большинство просто не заметило страстной, значительной, глубоко идейной и отличной по форме драматургии Гая. Сейчас появились первые признаки заинтересованности пьесами Гая со стороны некоторых театральных деятелей. Когда пьесы Гая превратятся в спектакли, они очень плодотворно обогатят советский репертуар.